

НЕГАТИВНЫЙ ХАРАКТЕР ПОЗДНЕАНТИЧНОГО ЭТОСА

В плоть и кровь европейской культуры вошло представление о гармоничности и ясности греческого духа. Ренессансные гуманисты инициировали его, Винкельман придал классическую форму, а просветители сделали универсальным и непререкаемым образцом. Впрочем, европейская гуманитарная традиция, отличающаяся открытым и непредвзятым характером, почти никогда не была односторонне ангажированной. Переживая время от времени естественные периоды всеобщего (иногда даже всепоглощающего) увлечения новооткрытым культурным феноменом или радикально меняющей сознание метафизической установкой, она тут же бросала вызов общей интеллектуальной моде, порождая различные формы оппонирования ей.

Отношение к образу «прекрасной античности» не является исключением. От Ницше [2] до Боннара [1], не говоря уже о современной античной историографии, мы видим культивирование альтернативного метафизического и культурологического образа, который обобщенно можно было бы назвать «трагической античностью». Восприятие и осмысление античной культуры в последние полтора столетия определяется подспудной полемикой этих двух видений, смысл и продуктивность которых состоит не в истине, заключенной в одном из них, а в напряжении интеллектуального состязания между ними, в подлинном агоне разума, столь соприродном античному логосу и античной жизни в их существовании.

Крупным недостатком отечественного антиковедения является крайне слабая выраженность в нем состязания образов «прекрасной» и «трагической» античности, так и принципиально важное в методологическом плане понимание, что истина античности, если о таковой вести речь, заключена не в одном из них, а между ними. Законченный образ или способ видения исторической действительности суть не более чем возможность отнестись к нему внятно и осознанно. Но способность понимать не тождественна понимаемому.

Сложившийся в культуре или науке образ прошлого служит не более чем условием возможности понимания исторической действительности, не способным заместить ее саму. **Данное методологическое замечание ставит в надлежащий контекст последующие рассуждения о позднеантичном этосе и позволяет, хочется верить, избежать столь часто случающегося в философских исследованиях гипостазирования понятий.**

Суждение о мире определяется тем, на что опирается и чем движима человеческая жизнь в нем, какова ее внутренняя организация и строй — иными словами, каков этос людей, составляющих мир культуры. Наше обращение к античному этосу находится в общем контексте историософского осмысления основ античного бытия и культурного характера античности в целом.

Данная статья преследует цель показать, что, **во-первых**, этос поздней античности носил по преимуществу отрицательный характер, акцентируя не позитивные возможности человеческого бытия, а отправляясь от недостижимого для человека в силу его конечности, бренности и, главное, включенности в общий и довлеющий над ним мировой порядок (космос). **Второй наш тезис** состоит в том, что такая позиция, хотя и обусловленная в первую очередь спецификой позднеантичного бытия, является выражением вообще характерного для античного сознания онтологического (и антропологического) пессимизма. Не в констатации самого явления, в целом хорошо известного, а в анализе культурной специфики античного пессимизма состоит **наша вторая цель**. И, наконец, **третий пункт предлагаемого рассуждения** образует утверждение, что сами ясность, гармоничность, эстетическую законченность античного бытия нельзя понять в их первоисточке, если не рассматривать их как преодоления вообще свойственного античному сознанию фрустрационного комплекса.

Поздняя античность начинается с бурного, драматического и необыкновенно продуктивного в интеллектуальном отношении периода, охватывающего около полувека (более подробный анализ связи данной эпохи и философского мышления см.: [3, с. 384–502]). В этот период, начало которому положила смерть Александра Македонского, возникают и оформляются основные философии эллинистическо-римской эпохи. Всего в поздней античности, как известно,

существует пять основных философий — перипатетизм, платонизм, скептицизм, эпикуреизм и стоицизм. Возникновение первых двух относится к более ранней, классической эпохе, хотя в эллинистическо-римской период они приобретают новые черты. Так, начиная с середины III века до н.э. академическая традиция следует скептическому принципу мышления, а в рамках Ликейя собственно философская, метафизическая проблематика в период после Теофраста и до Андроника Родосского вообще отходит на второй план, почти всецело замещаясь историческими, литературоведческими, конкретнонаучными трудами. Поэтому свое внимание мы сосредоточим на трех последних из названных философий, определяющих оригинальные черты метафизики эллинистического периода и, что служит еще одним аргументом, возникающих непосредственно в его границах.

Примечательно, что скептицизм, эпикуреизм и стоицизм, занимая радикально отличные метафизические позиции, удивительным образом сходятся в главном для античного сознания пункте — а именно в понимании природы человеческого счастья, в предлагаемой ими главной нравственной цели.

Основой скептической позиции, как известно, является эпохе — воздержание от суждений. Хотя обычно его понимают как эпистемологический акт, для самого Пиррона оно имеет прежде всего этический смысл. Именно благодаря эпохе достигается то состояние афазии (когда о вещах «нечего сказать») и следующее из него состояние атараксии (безмятежного покоя души, отрешенности от страстей и волнений), которое составляет основу человеческого счастья. Не в тех или иных жизненных стремлениях, а в отказе от стремлений вообще находит свой идеал античный скептицизм. В его свете главной этической способностью (и достоинством) человека становится невовлеченность в дела и процессы окружающего мира. Человек настолько счастлив, насколько сумел остаться «при себе», ничему себя не отдав и не препоручив как несомненной достоверности. Это не значит, впрочем, что предпочтение как акт воли должно быть тотально осуждено. Речь идет лишь о том, что любые предпочтения, которые может человек высказывать, не укоренены в природе вещей и не имеют за собой их (вещей) обязывающей силы, а движимы и определены исключительно свободным актом воли, за которым не следуют искать иных оснований (и, добавим, каких-либо упований также).

Для скептика вещи не могут быть удостоверены в своем существовании, что и ведет к воздержанности как основе нравственной позиции. Вторая из великих позднеантичных философий, эпикуреизм, в отличие от скептицизма признает наличие некоей достоверности для человека. Она состоит в непосредственном чувстве каждого, в самоощущении людей. В сущности, в основах своей онтологии скептицизм и эпикуреизм, как ни парадоксально, могут быть согласованы. Ведь Эпикур также отказывается от суждения о природе вещей (его знаменитый принцип «приемлемости множества разноосновных объяснений»). Он не взвешивает на весах бытия значимости человеческого самоощущения, не определяет статуса этой реальности в общей архитектонике мира. Классик гедонизма лишь утверждает, что никакой иной достоверностью, кроме собственного непосредственного состояния (а оно, в силу телесности человека, всегда есть состояние чувственное), люди не располагают. Данный тезис, фиксирующий общую диспозицию человеческого бытия, дополняется и усиливается следующим тезисом, раскрывающим его (бытия) динамику. Взаимодействие с окружающим есть, по Эпикуру, не утверждение «лучшей чувственности» — наслаждение, а всего лишь избегание противоположности — страдания. Человек не утверждает себя удовольствием, а спасается, избегая страдания. Отсюда является главная Эпикурова моральная максима: «Проживи незаметно».

В постоянной полемике с эпикуреизмом существовал в эллинистическую эпоху стоицизм. В стоической этике наслаждение превратилось в один из четырех аффектов, лишь преодоление которых обеспечивает добродетельность и счастье человека. Но сам стоический этос имеет тот же негативный характер, что и скептическая и эпикурейская нравственная установка. В мире предустановленной судьбы единственным способом сохранить достоинство есть бесстрастное принятие любого хода вещей. Стоический мудрец не стремится к тому или иному результату своего поступка; единственное, что его занимает — нравственная императивность самого действия, а не исход. Предельное безразличие к моральному статусу действия здесь

покупается ценой совершенного (и принципиального) безразличия к исходу его. Как мог бы сказать, например, Сенека: «цель – ничто, моя совесть – все».

Во всех трех позднеантичных этических установках мы видим осуществление одного и того же принципа: констатация (и онтологическое обоснование) недостижимости для человека некоей результативности его бытия в мире, отсутствие в связи с этим положительного нравственного идеала и, как итог, моральная ориентация сугубо негативного характера – имеющая в основе императив отказа, избегания, принятия неизбежности. Можно сказать, что все позднеантичные философии сходятся в онтологии мира, невозможного для самоутверждающегося человеческого бытия. Этот мир глубинным образом неподвластен человеку. Максимум возможно для конечного и бренного человеческого существа в нем – сохранить себя, спасти себя путем самоизвлечения из борений, страстей и движений окружающей действительности. Суть и процедура данного «самоизвлечения» из мира весьма разнятся в скептицизме, эпикуреизме и стоицизме, но определяющая этическая интенция оказывается удивительно схожей.

На основании вышесказанного позднеантичное воззрение на мироздание можно оценить как пессимистическое. Метафизический смысл пессимизма заключается в конституировании образа мира, тем или иным способом враждебного человеку и препятствующего реализации сущностных человеческих стремлений. Мировоззренчески негативная оценка положения человека для античного разума вытекает из природы мироздания, космоса. Этим античное сознание отличается от христианского, которое усматривает препоны человеческому бытию в пораженной и сдеформированной грехом воле. Но, признав мир неблагоприятным и неблагоприятным для человеческой самореализации, эллинистически-римские философии, тем не менее, находят для человека созидательный выход. Им стали негативные по своему характеру этические системы позднеантичных философий, сумевшие сохранить в человеческой личности ясность и присутствие духа, несмотря на все превратности бытия. Этот, без преувеличения сказать, моральный и мировоззренческий подвиг позволил античному человечеству сохранить творческий потенциал деятельности в заключительный многовековой период своей истории. В свете сказанного становится очевидным, что ясность и мужественная невозмутимость античного духа вовсе не являются беспроблемными. Они выражают не столько «светлые тона» общего мировосприятия, сколько возникают и утверждаются вопреки общему и глубокому ощущению трагичности бытия, столь емко проявляющемуся в позднеантичную эпоху.

1. Боннар А. Греческая цивилизация. От Илиады до Парфенона. – М.: Искусство, 1992.
2. Ницше Ф. Рождение трагедии, или эллинизм и варварство // Ницше Ф. Сочинения. – М.: Мысль, 1990. – Т. 1.
3. Пролеев С. В. История античной философии. – М.: Рефл-бук, К.: Ваклер, 2001.